

НОВЫЕ СТЕНЫ

Режиссерская лаборатория по современной драматургии, которую вот уже сколько лет в рамках государственной программы поддержки театров малых городов России проводит Театр Наций, добралась наконец до старинного **Балашова**, что на реке Хопёр, на самом западе Саратовской области. И раньше там оказаться никак не могла, хотя местному БДТ — **Балашовскому драматическому театру** — исполнилось **100 лет**. До нынешнего сезона у юбиляра не было дома. То есть до 1990 года город гордился своим зданием театра, являвшимся памятником архитектуры. Его подарили Балашову купцы, и в начале XX века оборудовали по последнему слову тогдашней театральной техники: колосники, зал для репетиций, помещение для хранения деко-

раций, просторное фойе. Был даже поворотный круг — редкость по тому времени в провинции. И вот решили театр реставрировать, и деньги выделили. Но на дворе были 90-е. Деньги употребили на что-то более важное. А тут пришло пренеприятное известие: едет ревизор, надо предъявлять обновленное здание. А как? Думали недолго: составили акт о том, что фундамент был так подточен насекомыми-вредителями, что спасти театр было невозможно, и его пришлось снести. Оставалось только осуществить снос. Но то, что легко на бумаге... Три года памятник архитектуры долбили всем, чем могли. Вызвали на подмогу военную технику. Долше всех держался фундамент. Пришлось взрывать. До сих пор на памятном месте красуется котлован. Труппу театра временно пересели-

«Тойбеле и ее демон»

«Хаос. Женщины на грани нервного срыва»

ли в нежилые помещения жилого дома. Приспособились как смогли, выгородили крохотный зальчик с потолками ниже 3-х метров, и проработали в таких условиях два десятка лет. К столетнему юбилею новое здание построили. Правда, без колосников, просторного фойе, зала для репетиций и помещения для хранения декораций. На сцене нет то что поворотного круга нет, а и собственно подмостков: монолитное бетонное возвышение. Особенно строителям удалась крыша. Она чутко реагирует даже на падение снежинок, а весенний дождь стучит по ней громче японских барабанов, заглушая не только актерские голоса, но и любые другие звуковые эффекты. Но самое удивительное в этой истории то, что труппа БДТ жива, полна творческих планов, любима городом и собирается прославить его в театральной России.

Ради этого художественный руководитель **Владимир Попов** и директор **Татьяна Чучкова** позвали лабораторию **Театра Наций**. Куратор проекта **Елена Носова** пригласила в Балашов для проведения с труппой мастер-классов **Батраза Засеева**, преподавателя кафедры пластической выразительности актера Театрального института имени Бориса Щукина и педагога Школы-студии МХАТ и РГСАИ (Москва), и **Егора Архипова**, преподавателя кафедры сценической речи РГИСИ (Санкт-Петербург). Арт-директор лаборатории **Олег Лоевский** предоставил на выбор более 70-ти современных пьес. БДТ остановился на трех: «Хаос. Женщины на грани нервного срыва» **Мики Миллоахо**, «Тойбеле и ее демон» **Исаака Башевиса Зингера** и **Ива Фридмана** и сказка о «Коньке-Горбунке» **братьев Пресняковых**. Трех режиссерам пришлось ис-

«Сказка о Коньке-Горбунке»

следовать все незамысловатые закоулки нового здания, чтобы найти три места для одновременных репетиций. Ими стали в результате буфет, бутафорская мастерская и зрительный зал.

Большая сцена досталась выпускнику магистратуры режиссерского факультета ГИТИСа **Юрию Печенежскому**. Он в своем эскизе «Тойбеле и ее демон» сделал ставку на создание атмосферы уютного дома одинокой, покинутой мужем, молодой женщины Тойбеле. К нависшим над пустым сумрачным пространством сцены штанкетам привязаны прозрачные пластиковые бутылки, из которых то и дело сочится вода. Промозгло и зябко. И сил нет у хрупкой, еще очень молодой, в черное двудвое одетой Тойбеле (**Елена Самусева**) справиться с бесконечными протечками, да и желания нет. Она готова довериться любому, кто ее просто обнимет, согреет. Будь

это хоть сам демон. В эскизе еще была использована видеопроекция, и «полет» героини на лонже над сценой, и выходы персонажей в зрительный зал — много постановочных приемов, которые актерам пришлось осваивать всего за четыре дня репетиций эскиза. И поэтому перипетии любовной драмы отошли на второй план, история потерялась, но настроение режиссеру создать удалось.

Более опытный **Михаил Заец**, главный режиссер Ростовского-на-Дону академического молодежного театра, при подготовке эскиза сосредоточился именно на «прорисовке» персонажей доставшейся ему финской пьесы Мики Миллоахо «Хаос. Женщины на грани нервного срыва». Три актрисы — **Юлия Бакланова**, **Елена Клягина** и **Татьяна Болотникова** — сыграли трех подруг, переживающих все возможные женские неурядицы, а заодно сыграли и всех тех, кто им

эти неурядицы устраивает. Эскиз показывался в буфете театра, а потому естественной декорацией стала барная стойка, у которой и разговаривались разговоры. А за эту стойку актрисы уходили походкой моделей, чтобы через секунду выйти в новой «роли», как в новом наряде. Этот прием придал нервной многословной пьесе легкость и иронию. А актрисам позволил «купаться» в актерстве и моментальных преобразованиях, от чего они явно получали удовольствие, которое сразу передалось и зрителям.

Эскиз **Алексея Логачёва**, главного режиссера Саратовского академического театра юного зрителя имени Ю.П. Киселева, по пьесе «Сказка о Коньке-Горбунке» братьев Пресняковых и эскизом-то сложно назвать. Его хоть сейчас можно включать в репертуар. Режиссерская фантазия оттолкнулась от пространства бутафорской мастерской, в которой проходил показ. Алексей Логачёв заставил ее всю табулетками и пеньками, на которых посадил публику. А ватага ак-

теров шныряла между ними в сумасшедшем темпе, заставляя зрителей вертеться вокруг своей оси. Сама сказка будто сочинялась на наших глазах, роли раздавались по ходу дела, реквизит и бутафория из других спектаклей, законно находящиеся в мастерской, немедленно брались в оборот, становясь то деталями костюмов, то солнцем, то содержимым брюха Рыбы-Кит. Точно задав условия игры, режиссер сделал все, чтобы вовлечь в нее и актеров и зрителей.

А зрители в Балашове оказались весьма благодарными. Все показы проходили при аншлагах. На некоторых «пеньках», например, удавалось усидеть по двое, даже по трое. Большинство голосов — после каждого показа надо было опустить свой билет в урну с надписью «Продолжить работу» или с надписью «Забывать как страшный сон», — потребовало от театра взять в работу все три эскиза. В следующем сезоне увидим, что выбрал сам театр.

Елена ГРУЕВА

ВОСПИТАТЬ ЧЕЛОВЕКА ТЕАТРА

В появившейся на культурной карте Москвы в 2012-м **Высшей школе сценических искусств Константина Райкина** с ее тремя отделениями — актерским, менеджмента, театральной техники и технологии, начнет действовать и **Школа практического театроведения**.

Поначалу эта новость вызвала недоумение: ну зачем понадобилось столице еще одно учебное заведение подобного рода, если театроведов с завидной регулярностью готовит Российский институт театрального искусства (ГИТИС)?

Однако разговор с руководителем нового образовательного начинания, заведующим кафедрой искусствознания и гуманитарных наук Высшей школы сценических искусств, доктором искусствоведения,

профессором **Дмитрием Трубочкиным** многое прояснил, и, как это часто бывает в подобных ситуациях, спровоцировал и целый ряд сопутствующих вопросов. Первый и, наверное, главный из них:

— Не связано ли решение об открытии новой Школы с тем, что театроведам, критикам в традиционном понимании больше нет места в сегодняшнем театральном пространстве. Ведь литературные части во многих театрах отсутствуют, редакторов заменили пресс-секретари и сотрудники пиар-служб, а писать и публиковать отзывы о спектаклях посредством социальных сетей может любой, кто чувствует к этому склонность?

— Мы с нашим ректором Анатолием Евсевичем Полянкиным много думали о том, как нам развивать теоретические дисципли-